

СОДЕРЖАНИЕ

Как все начиналось.....	8
Как мы пруд копали	14
Гуси и перепелки	23
Осень.....	35
Зима	39
Рождественский пост. Сказка на ночь	42
Лес	46
Храм в деревне	48
Чудеса под ногами.....	53
<i>О папе.....</i>	54
Храм зимой	70
Коты	73
<i>Как Марсик нарушил законы эволюции.....</i>	73
<i>Марсик и Беляш.....</i>	76
<i>Малыш и Марсик.....</i>	77
Весна	82
Великий пост. Сказка на ночь	84
Свинья.....	88
Бобры	90
Лето	92
Подражание Бродскому в пандемию («Не выходи из комнаты...»)	99
Мотя	100
Индоутки	113
Ода соседу.....	128
Гусыня Серуха	131
Трагедия. Эсхил. Весна в Товаркове.....	133
Про сыроделие	149
Сказка для маленьких про гуся Мартина, кота Марсика и лису без всякого имени	178

Зима. Владимирская область, двести километров от Москвы. Мы с сестрой идем в магазин на лыжах. Это меньше двадцати минут от нашей деревни, и, конечно, при желании можно было бы съездить в магазин на машине, но лыжи — это спорт, а спорт — это здоровье. Жизнь в деревне подразумевает заботу о здоровье. Поэтому мы терпим и идем. На мне шапка-ушанка, куртка мехом внутрь и горнолыжные штаны. В чистом поле ветер такой, что покорители Крайнего Севера уважительно кивают нам из снежного тумана. Здесь вообще кругом поля. Основанный в начале XII века Юрием Долгоруким город Юрьев-Польский — примерно пятнадцать километров от нашей деревни — назван Польским вовсе не в честь недружественных русичам поляков, а именно из-за полей, раскинувшихся вокруг на километры.

— Знали ли мы, — кричу я, пытаюсь опередить ветер, который, будто заправский фокусник, запикивает мои слова обратно в горло, да еще и примораживает там накрепко, — знали ли мы двенадцать лет назад, что дойдем до этого?

Под «этим» я подразумеваю все вместе: обветренные щеки, сосульки под носом, лыжи, мешковатую одежду, поля, ветер, жизнь в деревне, наконец.

Таня не слышит, она вдруг останавливается и с размаху падает в мягкий снег. Я падаю рядом. Это называется снеготерапия — завет родителей. Когда лежишь в пушистом снегу и над головой небо Аустерлица, пустые вопросы не тревожат разум: «Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!...»

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Дом в деревне родители купили в 2000 году. Это было немного спонтанное решение — нас пригласили в гости, мы полдня пролежали под липами, лениво наблюдая течение ручья в овраге, парились в бане, кормили кур и фотографировали каждый куст, а ночью плохо спали из-за непривычной тишины. А потом оказалось, что участок рядом продается, и на волне любви ко всему живому, закреплённой ежевечерним просмотром фотографий, мы сказали: «Конечно, покупаем».

Весной в деревню приехали уже хозяевами и домовладельцами. В багажнике машины лежали свеженькие блестящие лопаты и грабли, а также механическая газонокосилка — последний писк моды в те времена. Никогда до этого момента у нас не было собственной земли. Поэтому, едва осмотревшись, мы начали пахать, как первые колонизаторы, благодарные Христофору Колумбу.

У нас с сестрой не вызывало никаких сомнений, что за неделю-другую устроим на своем клочке земли примерно в сорок соток цветущий сад. А потом почетом на лаврах, наблюдая дела рук своих. Я заранее скупил все книги и журналы по садоводству в своем районе и во сне видела идеальный огород, английский газон, рабатки, клумбы, каменистые горки и прочие изыски. В реальности после недели изнурительных работ мы вскопали несколько грядок на бывшем поле для картошки, покосили клочками поле одуванчиков,

вместо газона покрывающее наш участок (причем ко-сой — немецкая косилка оказалась с характером и раздумала работать в столь грубых условиях), и сделали клумбу в палисаднике, обложив кирпичами кружочек земли с редкими цветами. Эта клумба меня и добила: сверяясь с картинками в журналах, я поняла, что слишком далека от идеала.

Впрочем, столкнувшись с суровой реальностью, мы не утратили колонизаторского пыла, а просто несколько сдвинули сроки запланированного великолепия. Сначала мы наведывались в деревню урывками, успевали пополоть сорняки, скосить траву, собрать редкий во всех смыслах урожай и возвращались в Москву. Это было очень обидно — мы оставляли красивый, ухоженный участок, а по приезде нас вновь встречало непаханое поле. Спрашивается: когда наслаждаться и радоваться плодам рук своих?

В первый год, кстати, на огороде отлично вышла только одна культура — салат. У меня до сих пор хранится фото, на котором я пытаюсь объять необъятную грядку, пышущую зеленью. Потом, все последующие годы, папа будет поминать нам с сестрой этот салат: «Вот было время, дочки...» Уж не знаю почему, но больше такого урожая салата у нас ни разу не было. Видимо, это был бонус и поддержка — если б не салат, мы бы, возможно, совсем разуверились в себе.

С декоративным садоводством дела обстояли тоже не очень. Прекрасные картинки из журналов не давали мне покоя. Особой притягательностью обладало словосочетание «альпийская горка». Альпы... горы... синие дали. Какая перспектива! Один местный мужичок, вдохновленный приездом сумасшедших москвичей, готовых платить деньги за камни, тащил к нашей калитке валуны всех размеров, а мы раскладывали их,

создавая Альпы своей мечты. Это было очень красиво — так нам казалось.

А потом однажды мы посетили лекцию знаменитого растениевода, специалиста по хвойным растениям. Демонстрируя слайды на экране, он показывал примеры неудачных альпийских горок. Первая называлась «булочка с изюмом»: камни более или менее одинакового размера разложены на горке на примерно одинаковом расстоянии. Вторая — «собачья могила»: один большой камень, воткнутый в верхушку горы, в сопровождении мелких по бокам.

— Тебе это ничего не напоминает? — шепотом спросила меня Таня.

— Что? — спросила я, сама невинность, поднимая голову.

И тут я поняла...

— Молчи, молчи, — прошептала я в ответ, одновременно сгорая от стыда и давясь от смеха. На этих слайдах были наши труды во всей красе. И «собачья могила», и «булочка с изюмом» — горе-садоводы, как по учебнику.

Впрочем, с годами время и опыт дали-таки результат. Газон выровнялся, растения заплодоносили, а камни лежали молча, но красиво.

Местные относились к нашему пылу со смешанными чувствами: нечто среднее между плохо скрываемой иронией — ну что с них взять? москвичи! — и любопытством: а вдруг в книгах дело пишут?

Наша соседка слева баба Валя прожила в деревне всю жизнь. Вырастила и выдала замуж дочку, похоронила мужа, осталась одна и, кажется, радовалась соседям-энтузиастам. У бабы Вали были куры, поле картошки и яблоня. Мы купали на местных рынках деревья и кусты, привозили семена в ярких упаковках

и обязательно любимую бабивалину селедочку или зефир в шоколаде. Принимая подарок, она махала рукой, отворачивалась и говорила, якая по-володимирски: «Плявать!» — высшая степень смущения и завуалированное «спасибо».

— Что сажаете, пион, что ли? — спрашивала баба Валя, заставляя нас на огороде.

Что еще могут сажать эти москвичи, не картошку же!

— Яблоню, — отвечали мы.

— А! Яблоньку!

Петуха бабы Вали звали Пончик, и у него с хозяйкой были исключительно нежные отношения. «Спой, Пончик», — просила баба Валя, выходя во двор, и петух нахохливал загривок, приподнимал иссиня-красные крылья и горланил что есть силы.

Куры петуха тоже уважали, но, как и всех местных, их очень интересовал наш огород — свежевскопанная земля, мирные милые хозяева, разноцветные семечки, закопанные неглубоко в землю, — с точки зрения кур это был санаторий. Они рвались через забор всеми правдами и неправдами, подкапывая, перепархивая, пролезая, а баба Валя гнала их обратно. Утром мы просыпались от ее громких криков: «Чух, чух!» Пончик пел, куры бежали, мы аплодировали.

Конечно, деревня, как и положено, ассоциировалась у нас не только с земледелием, но и со скотоводством. Тут уж мы были не практиками, а исключительно наблюдателями. По крайней мере, до поры до времени — копили опыт, так сказать. Вникали. У бабы Тамары на краю деревни, например, была свинья и корова. Прекрасное сочетание, подумали мы и, вдохновленные, отправились слушать, как прекрасно жить со свиньей и коровой. Идиллия представлялась нам так: прогулки по пахнущими клевером полям, парное

молоко строго по часам утром и вечером, нежное похрюкивание и не менее нежное помукивание.

— Даже кирпичи жрет! У, дьявол! — сказала баба Тамара, показывая свинью в хлеву.

Свинья в ответ подняла налитые кровью глаза и забила копытом. «Кто-то новенький? — думала свинья. — Люблю новеньких». «Это точно свинья, а не кабан?» — думали мы и старательно улыбались, чтобы скрыть нервную дрожь.

С коровой оказалось не сильно лучше. В полях стояло нечто размером со среднего слона, окруженное роем мух и слепней. Тут баба Тамара была более благодушна.

— Матушка-кормилица, — сказала она и нежно прихлопнула слепня на необъятном боку коровы.

А мы почувствовали, как на голубую незабудку наших душ вгромоздился паук реальности. «Крупные животные хороши при наблюдении издалека», — решили мы.

Ольга Яковлевна на другом конце деревни держала двух коров, козу, пяток свиней, с десятков баранов и не счесть по мелочи — гуси, куры. Тут уж мы были готовы и настроились по-боевому. Но куры оказались милыми существами (да еще с цыплятами, желтыми комочками милоты), гуси не злыми, а коза — дереза. Подвели только овцы.

— Сегодня три померли, — мрачно сказала как-то Ольга Яковлевна, — переели свежей травы, не уследила. Раздуло их, и померли.

«Так, овцы — тоже не наше, — поняли мы. — Как может овца переест травы?! Нет, не наше».

Зато свиньи у Ольги Яковлевны были не чета бабитамариному хряку. Настоящие свиньи оказались, в общем. Однажды мы пришли полюбоваться на

новорожденных поросят, и Ольга Яковлевна рассказала нам, что свинья, разродившись, несколько дней не ходит в туалет — терпит, держит все в себе, чтоб вокруг розовых поросят не было ни навоза, ни грязи.

— Правда, сначала, сразу после рождения, поросят лучше у свиньи отбирать, — уточнила Ольга Яковлевна. — А то она может приплод и съесть.

«Мои ж вы сладкие! — примерно так, наверное, свинья думает. — Съела бы!» И, замечтавшись, ест.

Короче говоря, долгое время, получив ушат знаний о жизни домашней скотины, мы предпочитали наблюдать за ней со стороны. Завести живность мы решились только лет через десять, к тому времени уже пять лет живя в деревне постоянно — и зимой, и летом. Сначала думали про кур, но курам нужен теплый сарай и всяческое раболепство. Так что первым делом мы остановились на перепелках, а затем плавно перешли к гусям.

Кстати, гусей нам отдала все та же Ольга Яковлевна. Маму-гусыню, папу-гусака и пяток гусят. С гусями вообще практически никаких хлопот, восхитительно самостоятельные птицы. Утром пасутся в овраге, днем приходят нестись в сарай, вечером возвращаются поесть и спать. Зимой спят на снегу. И совершенно не жалуются. Потому что гусиный жир — это всем жирам пример!

Итак, мы постоянно живем в деревне уже тринадцать лет. Мы ничуть не жалеем и не хотим обратно в Москву. Да, может быть, выходя с утра из дома, чтобы выпустить гулять гусей, я имею вид несколько помятый, не для московских улиц, прямо скажем. Скорее даже я похожа на Деда Мороза. Не с картинки, а вы понимаете — после полета на оленях в верхних слоях атмосферы — заросшая, волосы дыбом, куртка с ключьями вылезающей шерсти и сосулька в носу (если на дворе зима). Но поверьте — это помятость истинной свободы.

КАК МЫ ПРУД КОПАЛИ

Так как живем мы среди полей, нам катастрофически не хватает водоема. Летом — чтобы купаться и удить рыбу, зимой — чтобы кататься на коньках. Да, в овраге в конце участка у нас протекает прекрасный ручей (кстати, некогда он был рекой и до сих пор значится как река на картах), но ручей, во-первых, холодный, во-вторых, узкий. Не поплаваешь. А нам очень хотелось плавать.

Однажды в стремлении к большой воде я даже записалась в бассейн в городе Юрьеве-Польском. Пришла, красивая, подтянутая, с животом, втиснутым в слитный купальник. Прошлась на носочках по кафельному полу, надела шапочку, новенькие очки для плавания и нырнула. У меня были законные и оплаченные сорок минут и почти никого на дорожке. А так как, получив нечто законное, а главное, оплачиваемое, я становлюсь очень практичной, я решила не тратить ни минуты даром и все сорок минут гребла без остановки, только подныривая и отталкиваясь ногами от бортиков, то с одной стороны, то с другой. Быстро — это насколько позволял деревенский жир, накопленный за долгую зиму.

И вот время закончилось, я вышла из бассейна и пошла в раздевалку, покачиваясь — от неумеренности и непривычки к спортивным нагрузкам у меня кружилась голова. И тут ко мне подошла уборщица. Она мялась несколько секунд, будто не решаясь

заговорить, но переборола себя и произнесла восхищенно:

— Вы к нам почаще приходите. У нас такие гости редкость.

Я воззрилась на нее совершенно растеряннo, и, видя эту мою растерянность, она добавила:

— Ну вам же нужно норматив выполнять. Приходите!

Представляете? Увидев, что человек сорок минут без передышки плавает, она приняла меня за спортсменку, практически за члена олимпийской сборной. О Юрьев-Польский, благословенный, как мало ты видел! В общем, можно представить, насколько взлетела моя самооценка. Больше я, кажется, в бассейн так и не пришла. Потому что зачем заниматься плаванием, если ты уже чемпион?

Но собственный водоем — совсем другое дело. В воображении я рисовала себе чудные картины: утро, я выхожу из дома, бегу босиком по росистой траве и ныряю в пруд. Хохоха, естественно. От счастья, естественно.

Или вот так, например: вечер, закат, я лежу на плоту с бокалом вина, на мне лежат комары, и мы все поем песню про «славное море, священный Байкал».

Забегая вперед, могу заверить, что все мечты сбылись и даже оказались красочнее и прекраснее наяву.

Как сделать пруд, я представляла только примерно. По роликам в интернете и статьям из журналов. Проблема была в том, что мы хотели большой пруд — для плавания. А еще хотелось, чтобы пруд был максимально природным. Вот как будто он тут сам как-то образовался, без вмешательства человека. Тунгусский метеорит там упал или еще какая катаклизма. В общем, никаких цементных бассейнов и готовых пластиковых форм.

Сначала я скупила несколько журналов и книг с названиями «Копаем пруд», «Водоем без проблем», «Как затопить поле и не испортить отношения с соседями» и все в таком роде. По журналам, выкопка пруда казалась делом пары часов — лопата, пленка, немного усердия — и: «Вот это да, Маша, когда ты успела?»

Вдохновившись, я взяла лопату и начала копать пруд сама. Тележки с землей я отвозила в конец участка. Через час, примерно на десятой тележке, я решила оглядеть место для пруда. Согласно журналам, там уже должно было образоваться озеро размером со средний бассейн, должны стоять цапля, вопить выпь и толпиться караси с котомками в очереди на жилье. В реальности моя пара десятков тележек земли походила на небольшую тропинку к домику крота. Плюс ко всему у меня болела спина, дрожали колени, а ладони покрылись мозолями. «Кажется, самой пруд мне не выкопать», — сказала я себе и на следующее же утро закрепила это знание еще парой-тройкой тележек с землей. Потому что не до всех доходит с первого раза. Наконец я сдалась, и мы решили, что нужно обратиться к специалисту.

И тогда через подругу, с которой некогда мы вместе посещали курсы цветоводства, нашелся специалист по прудам — Валерия. И Валерия даже один раз приехала к нам, оценила местность, все рассчитала, все объяснила и сказала: «А дальше я буду руководить вами онлайн». И уехала. О, век интернета! Онлайн копать пруд! Кому расскажешь — не поверят. И мы, конечно, немного поохали, поругались, посомневались, побоялись и начали.

Первый этап в строительстве любого пруда — котлован. Потому что пруд, как вы понимаете, — это в принципе обычная яма с водой. С помощью Валерии-онлайн мы разметили участок под пруд. С помощью

уровня сделали замеры — где подсыпать земли, где срезать, — и вызвали экскаватор. Да, мы даже освоили обычный водный уровень — дули в трубочку, прогоняя пузыри воздуха, ругались, были счастливы — все как надо.

Приехал экскаваторщик Николай, а с ним КАМАЗ, за рулем КАМАЗа — друг Николая. В КАМАЗ предполагалось сваливать вынутую из котлована землю и свозить ее в овраг, который значился в конце нашего участка. Здесь нам повезло — если б не овраг, пришлось бы насыпать у пруда небольшую гору, небольшое Килиманджаро. Ну или к соседям насыпать гору — кто откажется от Килиманджаро при закатном солнце?

За Николаем и КАМАЗом пришли трое грустных работников-таджиков с лопатами. В их задачу входило выравнивать края пруда и вообще делать все то, что не смогут Николай и КАМАЗ. Погода стояла прекрасная — солнце и ветер. Как на море — вдохновляющая погода. Пруд мы распланировали размером десять на тринадцать и глубиной в два метра. И вот в первый же день наш экскаватор почти все, что надо, и выкопал.

А на следующий день разверзлись хляби небесные и полил дождь. И лил сорок дней. Буквально. Мы в тоске писали Валерии, а она цитировала народные приметы: если на Самсона дождь, то лить будет сорок дней. Все онлайн, конечно. Никакой реальной поддержки, похлопываний по плечу и предложений выпить чаю. Суровая правда онлайн и суровая валькирия Валерия.

Нет, мы радовались, что успели выкопать самое главное — чашу под пруд, но вот положить пленку на дно и берега при таких погодных условиях было никак невозможно: в котловане стояла вода.

«Ничего, — подбадривала Валерия-онлайн. — Если что, положим пленку в следующем году». Жестокая женщина. Ждать целый год с ямой размером с упавший метеорит на участке — этого мое эстетическое чувство не могло перенести. «Когда-нибудь дожди прекратятся», — говорила я Тане. «Когда-нибудь все кончается», — повторяла я оптимистично.

На дне нашего котлована в это время строили семьи лягушки — они падали с крутых берегов, а выбраться обратно не могли. Что еще делать, если нет возможности выбраться? Строить семью. Через сорок дней мы сыграли около десятка лягушачьих свадеб и с нетерпением ждали новорожденных головастиков.

И все же дождь кончился, этот день наступил. Но на дне нашей ямы теперь стояла вода и не собиралась уходить. И мы выкачали ее насосом. Вот так просто. За несколько часов. А потом еще несколько дней вылавливали со дна лягушачьи семейства и выбрасывали на берег. Потому что сердце наше не камень.

Наконец наступил долгожданный момент — укладка бутылкаучуковой пленки. Звучит страшно, а на вид — небольшой рулон тонкой резины, только очень тяжелый. Поэтому мы опять вызвали троих рабочих, которые под нашим мудрым руководством спустили пленку в яму и застелили ею пруд. А потом мы пустили воду, и наполнялся пруд три дня и три ночи.

Валерия-онлайн сказала, что любой пруд требует водяных растений. Не может жить без них, натурально. Не будет никакого биобаланса, если не будет растений. Мы хотели кувшинки и камыш — кувшинки мне всегда казались чудом света, невозможно прекрасным и недостижимым. Камыш? Камыш шумел.

Валерия сказала: кувшинки — в магазине, остальное на ближайшем пруду.

«Вы едете на пруд, фотографируете мне все, что увидите, я говорю, братъ или не братъ», — так она повелела. Ну вы, конечно, догадываетесь, какое растение я выкопала первым делом? Камыш. И собралась послать его фото Валерии в священном трепете: сколько братъ? Штук двадцать хватит?

— Таня, тащи пока камыш, а я напишу Валерии.

Таня начала тащить, камыш не поддавался, качался и шумел.

«Валерия, — писала я в ватсапе, — камыш был моей мечтой, и я нашла его, сколько братъ?»

Отослала сообщение и повернулась к Тане:

— Навались, давай помогу.

Камыш скрипел и уже поддавался. «Валерия печатает», — показало окошко в ватсапе.

— Давай, тяни, хватай, сильнее! Ты за верхушку, а я поднырну под корни! Вот же присосался, тащи сильнее, правее, левее...

Рррраз — и камыш вылез на берег с мощным всплеском, будто огромная рыбина. «Динг», — прозвенело сообщение в ватсапе.

— Сейчас мы посмотрим, — сказала я, плотоядно облизываясь, — сейчас мы накопаем камышика моего любимого...

«Мария, — гласило сообщение в ватсапе, — камыш братъ нельзя, он заилит вам весь пруд. Это очень агрессивное растение. Камыш хорош для больших водоемов, но он убийца маленького пруда».

Я повернулась к Тане. Она лежала на берегу и тяжело дышала, в руках у нее был зажат камыш, она обнимала его как ценнейшее сокровище, она не хотела его отпускать.

— Таня, — сказала я, — у тебя в руках убийца.

И на другом берегу озера заплакала цапля. От смеха. Камыш мы закопали обратно и больше не вспоминали об этом, по крайней мере чаще одного раза в неделю.

Зато мы нашли ежовник — милое растение с белыми щеточками. Каллу, или белокрыльник, и трилистник. Это Валерия-онлайн одобрила.

А в магазине мы купили три вида кувшинок, ирисы водные и рогоз. В общем, вскоре наш пруд зазеленел. Как будто всегда тут стоял. Мы обсыпали берега галькой и пошли к соседу за карасями. Потому что пруд без рыбы — печальная картина запустенья. А с рыбой — обильный стол, радость постника.

А на следующий год к нам приехал папин друг Евгений. Он посмотрел на наш пруд и сказал:

— А почему вы не позвали меня, я бы выкопал сам, без всякого экскаватора.

И нам стало немного стыдно, потому что мы знали, что Евгений действительно прекрасно копает, можно сказать, это его хобби — копать. В 90-е годы он, как это часто бывало среди московской интеллигенции, оставшись без средств, подрабатывал копкой могил на кладбище. И даже поставил рекорд — одиннадцать могил за день.

Увидев наше смущение, Евгений решительно произнес:

— Выход есть — выкопаем второй пруд!

— Ура! — сказали мы. — Какая прекрасная идея, какое изящное решение! Почему нам нужно ограничиваться одним прудом, если можно выкопать два? Это просто смешно!

И я тут же написала Валерии примерно так: «Дорогая Валерия, еще год назад вы закончили руководить

нашим прудом. И вот, растения, которые мы вместе выбирали, только пустили свои первые корни, а рыбки только откинули свою первую икру, как мы уже решили выкопать второй пруд. Правда, замечательно? Дело в том, Валерия, что к нам приехал папин друг, и он любит копать. Вы бы отказали человеку в его желании? Как вы думаете, Валерия, будет ли смотреться второй пруд сразу за первым и подойдет ли он по форме к нашему участку, к нашим гусям и уткам? К нашим с Таней профилям и анфасам?»

Я отослала это сообщение, полная надежд. Но вскоре получила совершенно разочаровывающий ответ. Валерия почему-то восприняла происходящее без восторга. Она нам ответила примерно дословно, что второй пруд сразу за первым — это не по фэншую: «Вода будет утекать вниз, а вода — символ денег».

— Что делать, Таня? — спросила я, зачитав послание от Валерии. — Будем ли мы соблюдать санитарные меры фэншуя? Ибо денег у нас и так мало, а теперь, видимо, вовсе не будет.

Поразмыслили, посмотрели на гусей, которые паслись прямо за намеченным вторым прудом, и подумали, что они-то точно в гармонии с миром, без всякого фэншуя. Тогда мы ответили Валерии, что мы живем не по фэн-шую, а по наитию-шую, и в этом наитии главное — чтоб человек мог копать, если ему захотелось. Так мы настояли на своем и приобрели второй пруд.

Евгений приехал к нам копать на электричке, с двумя лопатами. Лопаты были наточены, как клинки японского самурая. Мы приготовили милую трапезу и думали, что Евгений сначала поест с дороги. Но он зашел в дом, переоделся и сказал:

— Солнце высоко — сначала работа.